

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETRÒGRAD

Памяти Василія Павловича Васильева
и о его трудахъ по буддизму.

1818—1918.

С. Э. Ольденбурга.

(Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Россійской Академіи Наукъ ^{5 марта}/_{20 февраля} 1918 г.).

Жуткое чувство испытываетъ тотъ, кому приходится заниматься исторіею науки въ Россіи: смѣлыя начинанія, глубокія мысли, рѣдкіе таланты, блестящіе умы, даже кропотливый и упорный трудъ, все это встрѣчаешь съ избыткомъ; и тутъ же приходится отмѣчать, какъ все обрывается: длинные ряды «первыхъ» томовъ, «первыхъ» выпусковъ, которые никогда не имѣли преемниковъ; широкіе замыслы, застывшіе какъ-бы на полусловѣ, груды непечатанныхъ, полузаконченныхъ рукописей. Громадное кладбище неосуществленныхъ начинаній, несбывшихся мечтаній. Всего два въ сущности съ небольшимъ вѣка этой молодой русской наукѣ, а какъ длиненъ ея мартирологъ...

Эти горькія мысли невольно напрашиваются сегодня, когда мы вспоминаемъ жизнь и труды крупнаго и оригинальнаго русскаго ученаго Василія Павловича Васильева. Точно предчувствіемъ того, что ждало его въ жизни, были мысли маленькаго мальчика Васи, о которыхъ вспоминаетъ, говоря о своемъ дѣтствѣ, знаменитый ученый:... «право же не выдумываю, мнѣ приходило въ голову, что весь міръ созданъ исключительно для меня, чтобы меня мучить; что все меня окружающее обманъ — вотъ какой я былъ самородный буддистъ». Тяжелыя мысли маленькаго мальчика, къ несчастію, оправдались въ жизни ученаго.

Девяти лѣтъ мальчикъ кончилъ уѣздное училище и отецъ хотѣлъ опредѣлить его на службу въ губернское правленіе, но такихъ маленькихъ туда

не брали и Васю отецъ посадилъ на школьную скамью, опять въ уѣздное училище, откуда Васильевъ перешелъ въ гимназію, гдѣ и кончилъ курсъ 14 лѣтъ. Пришлось два года ждать права поступленія въ университетъ и заняться даваніемъ уроковъ, чтобы скопить деньги на университетское ученіе: отецъ его умеръ, а мать не могла сама содержать семьи. Эту суровую школу жизни Василій Павловичъ вспоминалъ съ благодарностью, прибавляя, что многимъ въ своемъ развитіи обязанъ преподавательской дѣятельности: «уча учился».

Казанскій университетъ въ то время былъ уже рассадникомъ востоковѣдѣнія и Васильевъ справедливо указываетъ на значеніе въ этомъ отношеніи попечителя Мусина-Пушкина. Университетскіе годы Василя Павловича падаютъ на 1834—1837 года, и единственнымъ, повидимому, имѣвшимъ на слушателей вліяніе профессоромъ ориенталистомъ былъ О. М. Ковалевскій. Въ автобіографіи¹ Василя Павловича отмѣчено: «моимъ развитіемъ, проявленіемъ моихъ оригинальныхъ взглядовъ въ наукѣ и государственности, я обязанъ профессору поляку (Осину Михайловичу Ковалевскому)»... Въ чемъ именно состояло это вліяніе, кромѣ отмѣчаемаго Васильевымъ требованія подвергать все критикѣ *sine ira et studio*, мы затрудняемся сказать, такъ какъ видимъ мало общаго между обоими учеными и въ маперѣ работъ и въ общихъ взглядахъ. Судя по тому какъ въ своей автобіографіи Василій Павловичъ скользитъ по воспоминаніямъ университетскихъ годовъ, оставляющихъ обыкновенно такой громадный слѣдъ въ жизни тѣхъ, кому было дано пройти университетскій курсъ, приходится думать, что Казанскій университетъ тѣхъ дней не для всѣхъ своихъ питомцевъ былъ настоящей *alma mater*. И дѣйствительно, Васильевъ, какъ ученый, главнымъ образомъ автодидактъ, на немъ мало замѣтны слѣды школы, и самъ онъ, какъ мы отмѣтимъ далѣе, школы не создалъ.

Неопредѣленность нашихъ свѣдѣній о ходѣ университетскихъ занятій Василя Павловича распространяется и на первый его ученый трудъ, оставшійся какъ и столько другихъ работъ Васильева ненапечатаннымъ и какъ многія изъ нихъ исчезнувшій. Мало того, мы даже не вполне можемъ быть увѣрены, что точно знаемъ его заглавіе: повидимому, оно носило двойное названіе: «Объ основаніяхъ философіи буддизма» (Духъ Алтанъ Гѣрала). Названіе это показываетъ, что съ первыхъ шаговъ своихъ научныхъ занятій Васильевъ интересовался буддѣйской философіей. Пропажа этого труда лишаетъ насъ возможности знать степень подготовки Васильева къ той работѣ, которая ждала его при поѣздкѣ на востокъ. Въ 1840 году онъ сталъ магистромъ, по представленіи только что упомянутой работы и въ

томъ же году отправился въ составѣ русской духовной миссіи въ Пекинъ, гдѣ и пробылъ 10 лѣтъ.

Въ инструкціи², данной при отправленіи Васильеву, мы хотѣли бы особенно отмѣтить совѣтъ хранить безпристрастіе, необходимое для научной работы и не дѣлаться ни «китайскимъ патріотомъ», ни китаененавистникомъ. О томъ какъ много дало это пребываніе Васильеву говорить трудъ всей его жизни, самъ же онъ вспоминалъ объ этихъ годахъ какъ тягчайшихъ въ своей трудной жизни.

«Мнѣ привелось лучшіе годы моей жизни провести вдали отъ отечества, въ такихъ страшныхъ тискахъ, что, если бы не предаваться мечтамъ о величіи и назначеніи своего отечества, въ которомъ вѣдь считаешь себя единицей, то не было бы возможности сохранить жизнь»³. «Большія тягости приходилось тогда выносить мірянину, увлекавшемуся любознательностью; онъ долженъ былъ на десять лѣтъ, самыхъ лучшихъ лѣтъ своей жизни, запереться въ домѣ миссіи, подчиняться всѣмъ распоряженіямъ ея начальника, который нерѣдко оказывался врагомъ научнаго образованія; десять лѣтъ приходилось не видать не только ни одного европейца, но даже ни одного русскаго, кромѣ тѣхъ, съ которыми онъ пріѣхалъ, а китайцы требовали, чтобы пріѣзжало не болѣе десяти человѣкъ»⁴... «и вотъ я десять лѣтъ горѣлъ внутреннимъ огнемъ, меня всего жгло, а нужно было казаться беззаботнымъ, веселымъ, что можетъ быть тяжелѣе того униженія, которое высказывается признаніемъ!»⁵.

Мы нарочно привели подлинныя слова Василя Павловича, потому что въ нихъ, написанныхъ много лѣтъ послѣ возвращенія изъ Китая, сказывается вся горечь тяжелой жизни, въ нихъ ярко чувствуются тѣ тиски, которые мучили его и мѣшали ему устранивать свою жизнь такъ, какъ ему казалось лучше.

Въ Архивѣ Конференціи Академіи есть «дѣло» (№ 77): «О Пекинской Миссіи и о путешествіи кандидата Васильева», начатое 28 августа 1839 г. Здѣсь больше всего поражаетъ крайняя «вѣдомственность» отношенія «начальниковъ» Миссіи — Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: насколько записки академиковъ заботятся о сути дѣла, полны интереса и довѣрія къ Васильеву, настолько сухо формальны отписки Министерства; чувствуется, что ему неловко оставить безъ вниманія науку, оно ссылается на то, что сдѣлало для Миссіи, закупивъ научныя книги и серіи специальныхъ журналовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь, что молодой кандидатъ не найдетъ здѣсь той поддержки, которую вправѣ ожидать отъ своихъ ученыхъ, собирающихся долго работать въ чужой странѣ. Не даромъ Васильевъ указы-

ваетъ на вражду главы вѣдомства Иностранныхъ Дѣлъ графа Нессельроде съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Уваровымъ, вражду, отъ которой приходилось страдать ни въ чемъ неповинному молодому ученому; автобіографія говоритъ тутъ красочнымъ языкомъ Василія Павловича: «Вотъ ужъ именно оправдывается поговорка: «старшіе дерутся, а отъ маленькихъ щепки летятъ!» То, что Васильевъ постоянно возвращается мыслью къ этимъ тяжелымъ годамъ его жизни, показываетъ какъ глубоко залегло въ его душу озлобленіе противъ режима тисковъ. Это озлобленіе сказалось даже въ его «Воспоминаніяхъ о Пекинѣ» въ-отношеніи его къ самому городу⁶. Врядъ ли однако Василій Павловичъ былъ правъ, поддаваясь такому настроенію: долготѣнее пребываніе въ Китаѣ, возможность изучать Китай при содѣйствіи китайцевъ въ теченіе ряда лѣтъ создали ему исключительное положеніе среди специалистовъ, дали ему знанія въ специально его интересовавшей области, какихъ тогда ни у кого не было⁷. Въ этой тяжелой и суровой школѣ онъ научился работать и искать именно въ работѣ источникъ силы для жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное общеніе съ людьми востока, если и не внушило ему особенной любви къ нимъ, то научило его относиться къ востоку съ той вдумчивостью и вниманіемъ, на которыя рѣдко бываетъ способенъ европеецъ, судящій обыкновенно о востокѣ по бѣглымъ впечатлѣніямъ путешественника или даже туриста. Отношеніе Васильева къ востоку было чрезвычайно глубокое, онъ считалъ, что общенію съ нимъ, связи съ нимъ слѣдуетъ придавать особенное значеніе, онъ выразилъ это въ своей автобіографіи въ знаменательныхъ словахъ: «Я говорилъ, вы все думаете о Западѣ, начните съ Востока, скорѣе туда дойдете».

О томъ, что въ научномъ отношеніи Василій Павловичъ вынесъ и вывезъ изъ своего долготѣннаго пребыванія въ Китаѣ скажутъ мои товарищи и мнѣ самому придется коснуться этого далѣе, теперь же продолжу указанія на канву дальнѣйшей жизни Василія Павловича.

Онъ вернулся въ Россію въ 1850 году, а въ 1851, съ начала года занялъ кафедру китайскаго языка въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ онъ преподавалъ и манчжурскій. Своихъ глубокихъ познаній въ тибетскомъ, пріобрѣтенныхъ изъ книгъ и изъ общенія съ учеными ламами ему не пришлось примѣнить въ преподаваніи, такъ какъ тибетскій языкъ не былъ еще включенъ въ университетское преподаваніе. Обстоятельство это ярко подчеркиваетъ наше неумѣніе организовывать дѣло и пользоваться людьми знанія: на западѣ мы постоянно видимъ какъ появленіе выдающагося специалиста является стимуломъ для предоставленія ему возможности путемъ созданія кафедры образовать школу, у насъ же мы видѣли съ одной стороны

пустуюющія кафедры, съ другой специалистовъ, не находившихъ примѣненія своимъ знаніямъ.

Въ Казани Василій Павловичъ оставался не долго, а въ 1855 году мы уже видимъ его въ С.-Петербургѣ, профессоромъ только что учрежденнаго Факультета Восточныхъ Языковъ. Казалось бы, съ внѣшней стороны, жизнь Василя Павловича вошла именно въ то русло, къ которому онъ стремился и которое естественно для всякаго ученаго, считающаго необходимымъ созданіе школы въ той области, въ которой онъ работаетъ и смотрящаго поэтому на университетскую кафедру какъ на могучее средство для разработки науки. Василю Павловичу и отдался профессорѣ, началъ составлять университетскіе учебники, принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ жизни факультета, деканомъ котораго состоялъ въ теченіе ряда лѣтъ, писалъ записки по разнымъ вопросамъ факультетской организаціи и постановки преподаванія, явился главнымъ инициаторомъ предполагавшагося къ изданію Факультетомъ Восточныхъ Языковъ періодическаго изданія «Азіатское Обозрѣніе» (1865)⁸, однимъ словомъ, какъ и надо было ожидать отъ человѣка съ его энергіей, умомъ, талантами и инициативой, былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ факультета, которому въ исторіи русскаго востоковѣдѣнія, на ряду съ Академіею Наукъ, принадлежитъ безспорно первое мѣсто.

Вполнѣ признавая только что сказанное, я тѣмъ не менѣе сознательно упираю на оговорку, сдѣланную въ началѣ, что Василю Павловичу лишь *съ внѣшней стороны* вошелъ въ свое русло. Ибо на ряду съ внѣшнимъ успѣхомъ, профессурой Васильевъ пережилъ глубочайшую для ученаго внутреннюю драму, отъ послѣдствій которой онъ, какъ ученый, никогда уже не оправился и которая наложила свою тяжелую печать на этого исключительно талантливаго русскаго человѣка; съ грустью думаешь, что мрачныя предчувствія мальчика сбылись и что въ самомъ важномъ и цѣнномъ для Василя Павловича, въ его научной работѣ, получился непоправимый надломъ. Въ предисловіи къ главной своей книгѣ «Буддизмъ» Васильевъ сказалъ объ этомъ въ поразительно краснорѣчивыхъ своею простотою и глубокою меланхоліею словахъ:

«Прошло уже почти семь лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я выѣхалъ изъ Пекина; съ того времени другія занятія, которымъ я предался и съ любовью и по обязанности службы занимаютъ все мое вниманіе. Что я сознавалъ, что приготовленные мною матеріалы требуютъ еще тщательной отдѣлки, и поправокъ и дополненій, это видно изъ того, что я не смѣшилъ ихъ обнародовать; между тѣмъ время летитъ и съ нимъ направленіе моихъ занятій все болѣе и болѣе обращается въ ту сторону, которая не подаетъ

мнѣ надежды, что я могу въ скоромъ времени заняться отдѣлкой уже написаннаго; время летитъ и дѣлаетъ труды, которые могли казаться довольно свѣжими за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, запоздалыми и несоотвѣствующими состоянію науки; изолированная дѣятельность ученаго пропадаетъ даромъ въ безвѣстности и если дѣло касается славы русскаго имени, убѣжденія, что и русскіе могутъ со своей стороны сдѣлать что-нибудь для науки, то тѣмъ болѣе не заслуживаетъ ли сожалѣнія безвѣстная смерть многолѣтней дѣятельности».

Въ этихъ словахъ, увы, нѣтъ никакого преувеличенія, ибо если первый и третій томы «Буддизма» Василія Павловича имѣли большое значеніе для изученія этой міровой религіи и навсегда заняли почетное мѣсто въ исторіи этого изученія⁹, то, конечно, не они могутъ служить истинною мѣркою Васильева, какъ спеціалиста по буддизму: это только его первые шаги, показатель того, что онъ считалъ нужнымъ сдѣлать, указаніе на тотъ путь, по которому, какъ онъ былъ убѣжденъ, надо было идти, чтобы понять эту сложную религію, покоющуюся на философскомъ базисѣ, построенномъ величайшими умами Востока. Васильевъ самъ справедливо говоритъ про свой первый томъ «Буддизма», что это «только первая и самая меньшая часть моихъ матеріаловъ». Вѣдь мы должны помнить, что онъ привезъ въ переводахъ, извлеченіяхъ и обзорахъ весь китайскій такъ называемый канонъ буддійскихъ писаній, извлеченія изъ громаднаго количества китайскихъ и тибетскихъ книгъ догматическаго содержанія — тысячи листовъ рукописей, писанныхъ его рукою, въ которые была вложена его изслѣдовательская мысль, его пониманіе буддійскихъ текстовъ. Мнѣ приходилось наталкиваться на недовѣріе, даже въ ученыхъ кругахъ, когда я говорилъ объ этихъ матеріалахъ и выслушивать вопросъ: «да гдѣ же эти матеріалы, о которыхъ вы съ такимъ увлеченіемъ говорите?» Жуткій отвѣтъ приходилось и приходится мнѣ давать: «въ печкѣ и въ мусорной ямѣ». Вотъ почему я не могу считать преувеличеніемъ мои слова о глубокой драмѣ жизни Васильева — ученаго, вотъ почему не преувеличеніе и его пророческія слова о «безвѣстной смерти многолѣтней дѣятельности». Еще молодымъ студентомъ видѣлъ я у него и получилъ драгоцѣнное право прочесть сотни листовъ этихъ рукописей, жалкіе остатки дивнаго цѣлаго, которыхъ ко дню его смерти не существовало, ибо онъ уже ихъ не берегъ. . .

Съ Васильевымъ повторилось то, что составляетъ драму жизни другого, величайшаго русскаго таланта и ученаго Ломоносова — онъ опередилъ свое время; среди русскихъ людей его дней не было почвы, на которой могла бы взойти жатва посѣянныхъ имъ сѣмянъ, не было той

русской среды, которая могла бы оцѣнить значеніе его трудовъ, а они всѣ были написаны по русски и составляли цѣлую бібліотеку, издать которую было бы чрезвычайно трудно.

Одна, еще полуиностранныя тогда, Академія Наукъ откликнулась съ сочувственнымъ вниманіемъ, издала первый и третій томы «Буддизма», вполнѣнствіе начала печатаніе второго, позаботилась о переводѣ перваго тома сперва на французскій языкъ¹⁰, а когда этотъ переводъ оказался непригоднымъ для напечатанія, то о переводѣ на нѣмецкій языкъ компетентнѣйшимъ нѣмецкимъ ученымъ — Бенфеємъ, однимъ словомъ сдѣлала почти все, что тогда было въ ея силахъ, если принять въ расчетъ ея составъ. По отношенію ко всему остальному громадному матеріалу Васильева смертнымъ приговоромъ оказалось безусловно вѣрное для того времени: *Rossica sunt, non leguntur*.

Факультетъ Восточныхъ языковъ былъ еще слишкомъ юнъ и слабъ, чтобы поддержать такіе спеціальныя труды, не стоявшіе въ достаточно прямой связи съ тѣмъ преподаваніемъ, которое надлежало создать и укрѣпить. Меценатовъ не оказалось, или Васильевъ не сумѣлъ ихъ найти, а общая среда русской жизни не была еще такова, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ труды столь спеціальнаго характера; припомните только какъ слаба и скучна статья даже такого критика какъ Добролюбовъ, когда онъ говорилъ о первомъ томѣ Васильева¹¹.

Василій Павловичъ надолго отошелъ отъ своихъ работъ по буддизму и попытался вернуться къ нимъ только уже въ самомъ концѣ своей жизни, предполагая издать второй томъ «Буддизма», посвященный догматикѣ, и напечаталъ нѣсколько случайныхъ небольшихъ замѣтокъ: въ нихъ сказано, конечно, его поразительное знаніе литературы, но онъ писалъ эти статьи по памяти, почти уже безъ справокъ и ссылокъ, не интересуясь новѣйшими изслѣдованіями, въ которыхъ онъ не видѣлъ достаточныхъ, по его мнѣнію, знаній.

Если мы всмотримся въ списокъ его трудовъ, то увидимъ, что кромѣ книгъ, связанныхъ съ преподаваніемъ и съ отдѣльными вопросами даннаго момента, онъ уже почти ничего не издалъ существеннаго, особенно по буддизму. Отдѣльно стоятъ его двѣ книги «Современные вопросы» (1875 — уничтожено цензурой) и «Три вопроса» (1878), которыхъ я не касаюсь, такъ какъ онѣ носятъ общественный, а не научный характеръ и «Религіи Востока: Конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. С.-Петербургъ 1873».

Въ этомъ обстоятельствѣ мы усматриваемъ подтвержденія нашего указанія на переломъ, происшедшій въ Васильевѣ, когда онъ увидѣлъ, что не

можѣтъ издать результатовъ своей десятилѣтней работы на Востокѣ. Книга «Религіи Востока», мнѣ кажется, особенно въ этомъ отношеніи важна; въ ней полное пренебреженіе источниками и крайняя догматичность и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнная предвзятость, противъ которой Василій Павловичъ такъ ополчался до перелома. Недаромъ благожелательный критикъ И. П. Минаевъ, относившійся всегда съ глубокимъ уваженіемъ къ Василію Павловичу, и необыкновенно цѣнившій его труды, говоритъ: «Прочитавъ со вниманіемъ новую книгу проф. Васильева, мы пришли къ убѣжденію, что онъ приступалъ къ своему дѣлу съ предвзятыми идеями, именно хотѣлъ доказать своимъ читателямъ превосходство запада надъ востокомъ и исконное цивилизаторское вліяніе перваго на послѣдній». Пользуясь словами самого Василія Павловича, надо сказать: «время легло и наука двигалась своимъ путемъ», который не интересовалъ Василія Павловича, и когда онъ въ «Религіяхъ Востока» вернулся къ интересовавшимъ его когда то вопросамъ, онъ уже не принялъ въ расчетъ того, что было сдѣлано другими, а то, что добылъ самъ, далъ безъ новой необходимой провѣрки; въ результатѣ чего эта, любопытная во многихъ отношеніяхъ, работа почти не вошла въ научный обиходъ.

Одно время знаменитыя находки турецкихъ и китайскихъ надписей на Орхонѣ вернули Василія Павловича опять къ его специальности: привычнымъ глазомъ онъ разобралъ надписи и далъ блестящій набросокъ перевода, но на этомъ и остановилась работа. Кромѣ этого онъ мало принималъ участія въ трудахъ Академіи, которая избрала его въ свои члены въ 1886 году. Научный скептицизмъ его становился все сильнѣе и упорнѣе, онъ сталъ сомнѣваться во всемъ, особенно отрицать всякую древность историческихъ памятниковъ, изошрялся въ ихъ критикѣ. Я хорошо помню какъ ошеломляюще дѣйствовалъ его безбрежный скептицизмъ на наши молодые умы и какъ невольно рождался протестъ противъ этого безплоднаго, убивавшаго творчество отрицанія.

Послѣдніе годы жизни Василій Павловичъ жилъ сравнительно уединенно и изъ трудовъ главнымъ образомъ пересматривалъ второй томъ «Буддизма», въ чемъ ему помогалъ его, покойный нынѣ, ученикъ А. О. Ивановскій, собственноручно переписавшій нѣсколько сотъ страницъ рукописи Василія Павловича. Работа осталась неоконченной, и въ томъ видѣ какъ осталась не можетъ быть напечатана: злой рокъ и тутъ помѣшалъ!

Скончался Василій Павловичъ 27 апрѣля 1900 года 82 лѣтъ отъ роду, въ С.-Петербургѣ. Жизнь его сложилась особенно, на всей ней лежитъ отпечатокъ его яркой, своеобразной личности; Василій Павловичъ далъ очень

много русскому востоковѣдѣнію и востоковѣдѣнію вообще, его имя навсегда занесено въ исторію науки, и если тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь назвать его жизнь драмой ученаго, то дѣлаю это потому, что убѣжденъ, что самое важное, самое цѣнное изъ работы Васильева не увидѣло свѣта и при томъ не по его винѣ.

Давъ, какъ умѣлъ, представленіе о научной жизни Василія Павловича, я хотѣлъ бы еще выяснитъ значеніе въ наукѣ его основного замѣчательнаго труда «Буддизмъ. Его догматы, исторія и литература».¹²

Для того, чтобы уяснитъ себѣ мѣсто, какое Васильевъ занимаетъ среди изслѣдователей буддизма и то большое, я сказалъ бы, исключительное значеніе какое онъ имѣлъ въ изученіи этой величайшей религіи намъ необходимо остановиться на главныхъ изслѣдованіяхъ буддизма, которыя пытались или охватить его во всей совокупности или выявить наиболѣе въ немъ существенное и характерное.

Несмотря на громадную литературу о буддизмѣ, накопившуюся за цѣлое столѣтіе на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, число сочиненій, которые мы должны принять въ расчетъ чрезвычайно ограничено. На изученіи буддизма необыкновенно ярко сказалась та безсистемность, то отсутствіе планомѣрности въ работѣ, которое такъ поражаетъ насъ при разсмотрѣніи исторіи гуманитарныхъ наукъ: не будетъ преувеличеніемъ сказать, что здѣсь царятъ мода, индивидуальныя особенности и вкусы изслѣдователей; на каждомъ шагѣ невольно спрашиваешь себя, почему какой нибудь детальный вопросъ привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе, вызываетъ рядъ работъ, когда остается неизслѣдованнымъ вопросъ не менѣе важный, отъ рѣшенія котораго зависить настоящее пониманіе того перваго вопроса, который разсматривался какъ бы внѣ времени и пространства. Поражаетъ та легкость, съ какою пытаются дѣлать широкія обобщенія, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго фактическаго матеріала, который однако не трудно было найти. Всѣ эти и многія другія недоумѣнія невольно должны явиться у всякаго, кто попытается систематически и критически разобрать литературу о буддизмѣ.

Прежде всего насъ поражаетъ здѣсь то, насколько мало было сдѣлано попытокъ провести грань между буддизмомъ какъ религіей и между его философскими обоснованіями, столь же поражаетъ незначительное число попытокъ разобраться въ его историческомъ развитіи, безъ представленія о которомъ немислимо пониманіе буддизма въ любой изъ стадій этого развитія. Принимая въ расчетъ только что сказанное, мы изъ всей громадной литературы о буддизмѣ, остановимся на трудахъ лишь десяти изслѣдователей,

которые хронологически распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Бюрнуфъ¹³ (1844), Васильевъ (1857), Чильдерсъ (1875)¹⁴, - Рись-Дэвидсъ (1878)¹⁵, Ольденбергъ (1881)¹⁶, Кернъ (1881)¹⁷, Минаевъ (1887)¹⁸, Лаваллэ-Пуссенъ (1898)¹⁹, Щербатской (1903)²⁰, Розенбергъ (1918)²¹. Мы не помѣстили въ этотъ списокъ Барта, несмотря на его классическій трудъ по религіямъ Индіи, включающій и буддизмъ, потому что Бартъ во-первыхъ считалъ себя обязаннымъ быть особенно осторожнымъ въ постановкѣ общихъ вопросовъ, въ виду отсутствія въ его распоряженіи надежныхъ источниковъ, и во-вторыхъ разсматривалъ буддизмъ лишь въ отношеніи къ общему развитію религій въ Индіи: «nous ne toucherons à ses doctrines et à son histoire qu'autant qu'il sera nécessaire pour expliquer sa fortune et pour marquer la place qui lui revient dans le développement religieux de l'Inde». (A. Barth. Les religions de l'Inde въ Oeuvres I. 99). (Paris 1914). Но въ своихъ обзорахъ по исторіи религій (Bulletin) Бартъ выступалъ съ рядомъ замѣчаній противъ «палійской школы».

Десять изслѣдователей, нами упомянутыхъ, мы дѣлимъ на три группы, соотвѣтственно тому положенію, которое они заняли по отношенію къ изслѣдованію буддизма. Восемь изъ этихъ специалистовъ индѣанисты, два изслѣдователи Дальняго Востока. Въ главу первой группы мы ставимъ Васильева, съ нимъ и съ Минаевымъ связаны Кернъ и Лаваллэ-Пуссенъ и въ духовномъ родствѣ съ нимъ и съ Минаевымъ, Керномъ и Лаваллэ-Пуссеномъ стоятъ Щербатской и Розенбергъ. Эта первая группа, на которой мы остановимся подробнѣе, взяла вопросъ наиболѣе глубоко и наиболѣе исторически. До извѣстной степени въ родствѣ съ ними стоятъ вторая группа: Бюрнуфъ, Минаевъ, которые однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, не выявили себя вполнѣ. Эти двѣ группы, наиболѣе глубоко поставившія вопросъ объ изученіи буддизма не оказали однако значительнаго вліянія на популяризацию его и труды ихъ остались главнымъ образомъ въ тѣсномъ кругу специалистовъ. На долю представителей третьей группы Рись-Дэвидса, Ольденберга и Чильдерса выпало исключительное вліяніе на ходячія представленія о буддизмѣ, который въ широкихъ кругахъ и рисуется въ сравнительно простой и единообразной формѣ, какую представляетъ палійскій канонъ, извѣстнѣй обыкновенно подъ названіемъ южнаго буддизма.

Съ разбора этой третьей группы мы и начнемъ, чтобы яснѣе стала правильная постановка вопроса первую группою, во главѣ которой стоитъ Васильевъ.

Удивительное очарованіе, исходящее отъ личности Будды, учителя, дав-

паго челоѡѡчеству одну изъ самыхъ совершенныхъ, быть можетъ самую совершенную изъ религій, вполне объясняетъ, почему для многихъ изслѣдователей его проповѣдь, тѣ священныя, каноническія тексты, въ которыхъ она была заключена, легли въ основу всего ихъ построенія буддизма какъ религій. Если къ этому прибавить, что въ каноническомъ сборникѣ писаній на языкѣ пали они имѣли стройное цѣлое, носившее въ простотѣ своей характеръ древности, то не удивительно, что они поддались влиянію своего основного источника и представили себѣ буддизмъ, или, выражаясь точнѣе, древнѣйшій буддизмъ, единственный по ихъ мнѣнію важный, какъ то ученіе, которое излагается въ книгахъ палийскаго канона. Это та мысль, которая лежитъ въ основѣ изложенія Ольденберга въ его столь извѣстной и столь талантливой книгѣ «Будда, его жизнь, его ученіе, его община». Это же — непреложная истина для Рисъ-Дэвидса въ его многочисленныхъ трудахъ, посвященныхъ изложенію и прославленію буддизма и это же высказываетъ ихъ талантливый, преждевременно скончавшійся послѣдователь Уарренъ, когда говоритъ, что санскритская буддійская литература представляется ему хаосомъ, а палийская — космосомъ²².

Къ чему же приводитъ такая постановка вопроса? Во-первыхъ къ тому, что большая часть развитія буддизма остается совершенно не затронутой, какъ будто признается несуществующей, а во-вторыхъ, что не менѣе важно, безъ достаточнаго основанія канонъ одной школы признается выраженіемъ религіозной мысли Учителя, причемъ эта мысль, толкуемая лишь на основаніи каноническихъ текстовъ, часто въ существеннѣйшихъ частяхъ остается неясной и неопредѣленной. Подкупающая съ перваго взгляда простота построенія, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вызываетъ рядъ недоумѣній, для разрѣшенія которыхъ неизбежно надо выйти за рамки палийскаго канона и даже его туземныхъ комментаріевъ. Но этого именно и не дѣлаютъ представители той группы изслѣдователей буддизма, о которой мы сейчасъ говоримъ: поставивъ въ главу угла палийскій канонъ и считая его *буддійскимъ* канонмъ, они въ немъ самомъ искали источникъ пониманія буддизма, лишивъ себя тѣмъ самымъ возможности подойти къ буддизму во всей его совокупности, пренебрегая важнѣйшими и цѣннѣйшими источниками и обрекая себя на совершенно одностороннее его пониманіе. Необходимо особенно отмѣтить, что та часть палийскаго канона, которая специально посвящена философской сторонѣ буддизма *abhidharma* очень слабо разработана представителями разбираемаго направленія; мы объясняемъ себѣ это тѣмъ, что это именно та часть, которая труднѣе всего понимается изъ себя самой.

Мы выдѣлили въ особую группу двухъ ученыхъ Бюрнуфа и Ми-

наева, указавъ на то, что они не вполне выявили своего отношенія къ задачамъ изученія буддизма. За Бюрнуфомъ заслуга перваго болѣе подробнаго разслѣдованія санскритской буддѣйской литературы; къ сожалѣнію недостаточное знакомство съ тибетской литературой и незнаніе китайскаго языка помѣшали Бюрнуфу отвести правильное мѣсто доступной ему санскритской литературѣ по буддизму и особенно оцѣнить значеніе *Abhidharmaśāstra* *Vaśubandhu*. Благодаря этому онъ не создалъ достаточно надежной почвы для работы надъ такъ называемымъ сѣвернымъ буддизмомъ въ противовѣсъ южному.

На совершенно правильную дорогу сталъ Минаевъ, когда онъ говорилъ: «Сравнительное изученіе догматовъ по памятникамъ разныхъ сектъ даетъ возможность выяснить общіе принципы и основанія для вѣроятнаго рѣшенія вопросовъ о томъ, что должно считать первичнымъ, что древнимъ и что новымъ въ этихъ памятникахъ; самый хронологическій вопросъ относительно большинства памятниковъ значительно упростится, вмѣстѣ съ тѣмъ его рѣшеніе сдѣлается болѣе правдоподобнымъ. Черезъ такое изученіе развитія буддѣйскихъ догматовъ явится возможность связать начало великаго мірового движенія съ предшествующей исторіей Индіи, и выяснить, откуда пошла эта религіозно-метафизическая пытливость древняго Индіяна». Вмѣстѣ съ тѣмъ Минаевъ даетъ еще и важнѣйшее указаніе, что для выясненія главныхъ фазисовъ въ исторіи св. писанія буддизма «однихъ буддѣйскихъ источниковъ совершенно не достаточно»; «необходимо имѣть ближайшее знакомство со старинными философскими сочиненіями брахмановъ».

Самъ Минаевъ не почелъ однако для себя послѣднимъ предпринять такое историческое изученіе буддизма, и единственный вышедшій томъ его *magnum opus* о буддизмѣ ограничился критическимъ пересмотромъ буддѣйскихъ преданій о древности и первоначальномъ происхожденіи священныя книгъ. Но и въ такомъ неоконченномъ видѣ трудъ Минаева имѣлъ большое значеніе въ исторіи изученія буддизма: онъ, дополняя во многомъ начатое Васильевымъ и издавъ рядъ буддѣйскихъ текстовъ, далъ твердую основу для тѣхъ, кто какъ Кернъ и Лаваллэ-Пуссенъ открыто выступили въ борьбу съ «правовѣріемъ» послѣдователей исключительнаго значенія палийскаго канона, и съ этой стороны Минаевъ тѣсно примыкаетъ къ третьей группѣ, которая въ основу изученія буддизма поставила широкую базу настоящаго знанія буддѣйской философіи на почвѣ индійской философіи вообще²³.

Здѣсь для насъ намѣчаются три имени и всѣ три принадлежатъ русскимъ ученымъ, это: Васильевъ, Щербатской, Розенбергъ. Правда мы, въ силу тѣхъ особыхъ условій развитія русской науки, о которыхъ ска-

зали въ самомъ началѣ, лишены возможности говорить о преемственности, но мы вправѣ говорить о духовномъ родствѣ, и если нѣтъ преемственности, то въ этомъ виновать не Васильевъ, а общія условія русской научной работы.

Щербатскому принадлежитъ громадная заслуга постановки вопроса о необходимости для истиннаго пониманія буддизма какъ религіи понять сперва его философію, причѣмъ онъ для правильного разрѣшенія поставленнаго имъ вопроса пошелъ сложнымъ, но единственно надежнымъ путемъ предварительнаго изученія основъ индійскаго мышленія, въ этомъ отношеніи выполняя уже указанное Минаевымъ, но имъ только намѣченное какъ *desideratum*. Параллельно съ этимъ Щербатской повелъ и изданіе соотвѣствующихъ текстовъ, какъ необходимый фундаментъ для дальнѣйшей работы. Послѣ его трудовъ немыслимо уже возвращеніе къ прежнему упрощенному способу изученія буддизма по случайно выбраннымъ или подобраннымъ памятникамъ, невозможно, говоря о буддизмѣ, какъ религіи, пренебрегать его философіей, какъ это почти систематически дѣлалось до сихъ поръ даже въ чрезвычайно почтенныхъ трудахъ.

Естественнымъ продолжателемъ Щербатского является Розенбергъ, который съ подготовкою индѣаниста соединяетъ знаніе китайскаго, японскаго и тибетскаго, т. е. владѣетъ совокупностью буддѣйской литературы. Его изученіе буддизма поставлено на единственно правильный отнынѣ путь: черезъ изученіе японско-китайскаго преданія онъ восходитъ къ индѣйскимъ оригиналамъ или переводамъ съ нихъ и, дополняя ихъ тибетскими текстами, обнимаетъ такимъ образомъ всю буддѣйскую литературу²⁴. Въ отличіе отъ Щербатского, который, углубившись въ философію буддизма и въ индѣйскую философію вообще, оставляетъ пока въ сторонѣ буддизмъ какъ религію, Розенбергъ изучаетъ и чисто религіозную сторону ученія Будды.

Мы видимъ такимъ образомъ, что лишь черезъ пятьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ взгляды Васильева на задачи изученія буддизма находятъ себѣ осуществленіе. Осуществленіе это происходитъ на гораздо болѣе широкой основѣ, чѣмъ могъ себѣ это представить Васильевъ въ 1857 году, происходитъ оно, конечно, во всеоружіи современнаго знанія, но тѣмъ не менѣе въ основѣ своей это именно то, что хотѣлъ строить Васильевъ. Представьте себѣ, что опубликованъ былъ весь тотъ матеріалъ, который онъ привезъ изъ Пекина, какъ результатъ десятилѣтняго труда и опубликованъ тогда же, въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и вы должны признать, что все изученіе буддизма повернуло бы по другому пути и мы бы давно уже имѣли настоящее представленіе о буддизмѣ и о его историческомъ

развитіи. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для насъ является сознаніе, что то, что не удалось, по независѣвшимъ отъ него причинамъ, сдѣлать В. П. Васильеву, нынѣ осуществляется его и нашими соотечественниками и что теперь, въ столѣтіе со дня его рожденія мы видимъ создающимся то, чему онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни²⁵.

Позвольте мнѣ изъ всего этого сдѣлать выводъ, который я приложу къ тому, что мы всѣ такъ мучительно теперь переживаемъ и что многихъ изъ насъ заставляетъ отчаиваться въ будущемъ нашей несчастной родины: пятьдесятъ лѣтъ точно подъ спудомъ, точно забытыя лежали мысли Васильева, но въ тоже время гдѣ то въ глубинѣ сознанія текли незримыя ручьи этихъ мыслей, пока не пробились наконецъ внаружу и не забили чистымъ и сильнымъ ключемъ; то, что было тогда бѣглою мыслью, наброскомъ, теперь возродилось со всей широтою и глубиною новаго построенія. Такъ, хочется вѣрить, будетъ и съ русскою жизнью: какъ мысли Васильева не погибли и возродились еще ярче, еще глубже, такъ будетъ и со всѣмъ хорошимъ и настоящимъ, что лежитъ теперь, увы, скрытое еще отъ насъ, въ сердцахъ Россіи.

¹ С. А. Венгеровъ. Критико-библиографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ IV. Отдѣлъ II. 149—155. Спб. 1895.

² Инструкцій, видимо, было нѣсколько и онѣ, частью по крайней мѣрѣ, перерабатывались какъ будто въ канцеляріяхъ: отиѣчаемое проф. В. В. Бартольдъ въ Обзорѣ дѣятельности факультета (восточныхъ языковъ) 1855—1905 (МИФЯ IV, 63) противорѣчіе разныхъ пунктовъ «Наставленія» Васильеву объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что кто-то, не ориенталистъ (можетъ быть министерскій чиновникъ), механически соединилъ инструкцію Казанскаго университета (Ковалевскаго) съ академическою инструкціею (Шмидта). Последняя полна довѣрія и вниманія къ Васильеву, какъ видно уже и изъ ея вступительныхъ словъ; передаемъ ихъ по русскому переводу изъ ниже упоминаемаго дѣла № 77, оригиналъ Шмидта нѣмецкій: «Императорская Академія Наукъ, даруя свою довѣренность г-ну кандидату Васильеву избраніемъ его въ свои агенты на время его пребыванія въ Пекинѣ, считаетъ излишнимъ снабдить его въ этомъ качествѣ особою инструкціею. Начертанное для него г-номъ профессоромъ Ковалевскимъ руководительное постановленіе такъ объемлюще и вполне удовлетворительно, что нельзя присовокупить къ нему ничего значительнаго, а посему оно въ отношеніи къ наукѣ можетъ почитаться двойнымъ, соответствующимъ какъ требованіямъ и пользамъ Казанскаго университета, такъ и желаніямъ и потребностямъ здѣшней Академіи». Мѣсто касающееся Чомы: «Роспись тибетскихъ сочиненій, сообщенная Ксоною Кѣрѣзи въ его грамматикѣ можетъ послужить г-ну Васильеву полезнымъ указаніемъ въ его поискахъ».

³ Три вопроса. С.-Петербургъ 1878. III.

⁴ Воспоминанія объ И. И. Захаровѣ. ЖМНП. Ноябрь 1885. Отд. от. стр. 1.

⁵ Автобіографическая замѣтка въ Крит.-біогр. Слов. Венгерова IV, отд. II. 152.

⁶ Извлечено изъ Сѣверной Пчелы. С.-Петербургъ 1861, стр. 6. Говоря о старомъ времени Пекина, Василій Павловичъ пишетъ: «Во все это время ни одинъ китайскій государь не думалъ однако же сдѣлать изъ него столицы. (Сколько здраваго смысла было у тогдашнихъ китайскихъ государей!)».

⁷ Нѣкоторое представленіе о ходѣ работъ Васильева въ Пекинѣ даетъ чрезвычайно интересная статья его «О нѣкоторыхъ книгахъ, хранящихся въ библиотекѣ Казанскаго Университета». Уч. Зап. ИАН. III, нѣмецкій переводъ «Die auf den Buddhismus bezüglichen Werke der Universitätsbibliothek zu Kasan» ВНГб. XI. 337—365 (1854). Ея заглавіе, дающее неправильное представленіе о содержаніи явилось, повидимому, причиною того, что эта чрезвычайно цѣнная и содержательная статья недостаточно извѣстна.

⁸ Матеріалы для исторіи Факультета Восточныхъ языковъ. Томъ второй. 1865—1901 гг. С.-Петербургъ 1906. Стр. 1—7.

⁹ Когда Василіа Павловича выбирали въ Академію, то академики, составлявшіе записку объ его ученыхъ трудахъ, дали нѣкоторые выписки изъ отзывовъ о первомъ томѣ «Буддизма». Изъ этихъ выписокъ двѣ настолько характерны, что мы укажемъ ихъ здѣсь. Извѣстный изслѣдователь позднѣйшаго буддизма Кёппенъ пишетъ Шинфнеру: «Trotz meines Gelöbnisses hat alte Leidenschaft mich verführt den Wassiljew zu verschlingen und ist mir dadurch die Ueberzeugung, dass ich als Blinder über Farben geschrieben, wohl gründlich bestätigt worden». Извѣстный санскритистъ А. Веберъ пишетъ (L. Centr. 1860, p. № 87, 576): «Innerhalb dieses Kreises (т. е. сѣвернаго буддизма) ist das Werk allerdings geradezu epochemachend und es erregt unter wahrhaftes Staunen nicht nur durch die reiche Fülle bisher ganz unbekannter Namen und Thatsachen, die aus jenen Quellen hervorströmt, sondern auch durch das rein sanscritische Gewand. Man glaubt ein Werk zu lesen, dass auf rein sanscritische Quellenforschung basirt. — Die Sicherheit der Umschreibung, die sich auf mannigfachen dreisprachigen lexicalischen Arbeiten derart begründet tritt ohne allen Prunk und ohne alle Ostentation auf als rein selbstverständlich, eine Anspruchslosigkeit, die dem berühmten Pariser Sinologen, der auf gleichem Felde arbeitet als Vorbild dienen könnte. Der Verfasser hat sich durch einen zehnjährigen Aufenthalt in Peking eine höchst bewundernswürdige Kenntniss der buddhistischen Literatur China's erworben, und der erste Eindruck den das Werk durch die Fülle seines fast durchweg neuen Inhalts macht, wirkt fast bewältigend. Dabei lässt sich der Verfasser überall die möglichste kritische Sichtung der behandelten Werke angelegen sein».

Записка указываетъ еще на отзывы Шинфнера, Гёше, Шотта, Фэра, Сенара, Бартелеми Сент-Илера и на французскій переводъ *La Comte*: «Le bouddhisme, ses dogmes, son histoire et sa littérature. Paris 1865. Précédé d'un discours préliminaire par M. Ed. Laboulaye». На этотъ, довольно неудачный, переводъ была написана Фэрромъ рецензія (Leon Feer. RC 1866 № 5, pp. 65—72). Къ этимъ отзывамъ любопытно прибавить значительно позже — черезъ 42 года послѣ выхода въ свѣтъ книги Василія Павловича Питерсона — нашелъ въ джайнской библиотекѣ одну буддійскую книгу, комментарий Дарматтары на извѣстную книгу по логикѣ великаго буддійскаго учителя Дармакирти, и онъ вспоминаетъ при этомъ о заслугахъ Васильева, говорившаго и о Дарматтарѣ: «Wassiljew did much, he would appear to have already mastered both the Chinese and the Tibetan languages, and with these keys he unlocked the vast stores of Buddhist tradition in Northern Asia». (The Nyāyabinduṭīkā of Dharmottarācārya. BI. Calcutta 1889, p. I.

¹⁰ W. Wassiljew. Der Buddhismus, seine Dogmen, Geschichte und Literatur. Erster Theil. St. Petersburg 1860, pp. XI—XII. Этотъ первый не напечатанный переводъ не надо смѣшивать съ другимъ выше указаннымъ, тоже мало удачнымъ французскимъ переводомъ *La Comte*.

¹¹ Современникъ 1858. № 11. Сочиненія II, 357—370. (С.-Пб. 1862).

¹² Въ запискѣ академиковъ, на которую мы уже ссылались выше, есть указаніе на общій планъ «Буддизма»: «Это обширное сочиненіе, говоритъ записка, должно было состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) общее обзорѣніе, 2) догматы буддизма, изложенные въ примѣчаніяхъ къ терминологическому лексикону Магавютпани на санскритскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ и китайскомъ языкахъ, 3) обзорѣніе буддійской литературы, 4) исторія буддизма въ Индіи изъ тибетскаго сочиненія Таранаты, 5) исторія Буддизма въ Тибетѣ, 6) Путешествіе Сюань-цзана въ Индію». Можно, конечно, представить не мало возраженій противъ подобнаго плана труда о буддизмѣ, но нельзя не удивляться грандіозности замысла особенно, если припомнить, что въ рукописи почти все изъ него было исполнено), ибо если

1, 4, 5, 6 отдѣлы могли бы каждый уместиться въ одномъ или двухъ томахъ, то 2 и 3 представляютъ каждый цѣлую серію томовъ. Любопытно, что энциклопедическій характеръ долженъ былъ носить и трудъ другого русскаго ученаго, Минаева, который тоже включилъ Mahāyūtpatti въ свой планъ, при чемъ и тутъ не ясно, чѣмъ собственно руководился Минаевъ, какъ и Васильевъ при выборѣ этого санскритскаго словаря буддійскихъ терминовъ, весьма поздняго времени, какъ основы для ряда монографій по догматикѣ и монашескому обиходу. Извѣстную аналогію представляетъ и палийскій словарь Чильдерса, тоже своего рода сборникъ монографій по буддизму, составленный примѣнительно къ словарной формѣ. Въ энциклопедическомъ, чрезвычайно широкомъ захватѣ есть, очевидно, какая-то особая притягательная сила для русскихъ ученыхъ, такъ какъ и трудъ послѣдняго русскаго ученаго, изучающаго буддизмъ, О. О. Розенберга тоже носитъ характеръ энциклопедіи, но уже по иному совершенно плану; надо пожелать, чтобы ему удалось то, чего не могли достичь его предшественники — закончить его громадный и въ высокой мѣрѣ любопытный трудъ.

¹³ E. Burnouf. Introduction à l'histoire du Bouddhisme Indien. I Partie. Paris 1844. Id. Le Lotus de la bonne Loi. Paris 1852.

¹⁴ Главнымъ образомъ его A Dictionary of the Pali Language. London. 1875.

¹⁵ Изъ его многочисленныхъ трудовъ мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ: T. W. Rhys Davids Buddhism, вышедшій въ 1878 году по почину London Society for the Promotion of Christian Knowledge; Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by some points in the history of Indian-Buddhism (Hibbert Lectures). London 1881. Buddhism, its History and Literature. London-New York 1896 (American Lectures on the history of religion), есть и русскій переводъ, и Dialogues of the Buddha translated from the Pali. London 1899.

¹⁶ Н. Oldenberg. Buddha. Sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde. 1-ое изд. 1881, есть нѣсколько неудовлетворительныхъ русскихъ переводовъ. Въ позднѣйшихъ специальныхъ статьяхъ Ольденбергъ смягчилъ свою «палийскую» точку зрѣнія.

¹⁷ И. П. Минаевъ. Буддизмъ. Исследования и материалы, т. I. Вып. I и II. С.-Петербургъ 1887.

¹⁸ Н. Kern. Geschiedenis van het Buddhisme in Indie. Harleem 1881—84, нѣмецкій переводъ: Der Buddhismus und seine Geschichte in Indien (H. Jacobi). Leipzig, 1882—84. Полный французскій переводъ вышелъ 1901 въ AMG. Bibl. d'Etudes; Manual of Indian Buddhism. Strassburg 1896 (ГИАНА).

¹⁹ L. de Lavallée-Poussin мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду два его труда: Bouddhisme. Etudes et Matériaux. London 1898 (Extr. du t. LV. Mém. Cour. et Mém. des Sav. Etr. publ. par l'Académie de Belgique) и Bouddhisme. Opinions sur l'Histoire de la Dogmatique. Paris 1909.

²⁰ О. И. Щербатской. Теорія познанія и логика по учению позднѣйшихъ буддистовъ. Части I и II. С.-Петербургъ 1903—1909. Для занимающаго насъ вопроса особенное значеніе имѣетъ «Введеніе» I тома и въ немъ три главы: 1) Взаимное отношеніе религіи и философіи въ Индіи, 2) Критическая точка зрѣнія на познаніе въ первоначальномъ буддизмѣ, 3) Значеніе Махаяны въ развитіи буддійской философіи. Второй томъ весь имѣетъ значеніе для правильнаго пониманія философской базы буддизма какъ религіи и для выясненія связи отдѣльныхъ періодовъ развитія буддизма, начиная съ первоначальнаго.

²¹ Только что вышедшій въ свѣтъ трудъ О. О. Розенберга носитъ заглавіе «Проблемы буддійской и философіи» и составляетъ вторую часть его большой энциклопедіи, озаглавленной «Введеніе въ изученіе буддизма по японскимъ и китайскимъ источникамъ», первая часть которой («Сводъ лексическаго матеріала») вышла еще въ 1917 году (ИФВЯ 45).

²² Н. С. Warren. Buddhism in translations. (HOS). Cambridge Mass. 1896, p. XIX. Чильдерсъ говоритъ совершенно опредѣленно: «The Pali or southern version of the Buddhist Scriptures is the only genuine and original one» (R. C. Childers. A dictionary of the Pali language. London 1875. P. XI).

²³ Значеніе Минаева въ исторіи изученія буддизма становится особенно яснымъ, когда мы обратимъ вниманіе на ту оживленную полемику, которая возникла послѣ появленія

его книги и которую мы находимъ во всѣхъ почти трудахъ «палийской» школы; эта школа послѣ выхода въ свѣтъ работъ Минаева не могла не почувствовать колебанія считавшихся ею неизбѣжными представленій о палийскомъ канонѣ какъ именно первоначальномъ буддѣйскомъ; многочисленныя изданія палийскихъ текстовъ, принадлежащія Минаеву, особенно укрѣпили его положеніе. Лаваллэ - Пуссенъ и Кернъ примкнули къ Минаеву, первый говоритъ совершенно правильно: «Les travaux de ces dernières années surtout ceux de M. Senart et de Minayeff remettent en question des hypothèses qu'un respect trop prompt pour la tradition singhalaise faisait considérer comme définitivement acquises. Il n'est plus permis de s'arrêter au système provisoire que les palisants ont formulé». (Bouddhisme. Etudes et matériaux p. 1). Въ новѣйшей работѣ, посвященной философскимъ основамъ буддизма, дается правильная оцѣнка роли Минаева, противопологающаго поднятое имъ движеніе исключительной вѣрѣ въ древность палийскаго канона:... «bei einer andern Gruppe deren Hauptvertreter in neuerer Zeit Minayeff gewesen ist, macht sich mehr das Bestreben geltend, den sogenannten nördlichen Buddhismus als die ungetrübtere Quelle anzusehen und durch eine synthetische Konstruktion aus nepalesischen (вѣрѣе было бы сказать samskrt) Literaturwerken und eine Kombination der hierdurch gewonnenen Ergebnisse mit jenen der ceylonesischen Forschung zu dem ursprünglichen Buddhismus hindurch zu dringen» (M. Wallaser, Die philosophische Grundlage des älteren Buddhismus. Heidelberg 1904, p. 15).

²⁴ Уже при печатаніи нашей рѣчи мы получили выпедшую книгу О. О. Розенберга и потому теперь вправѣ говорить о ней, ибо она является послѣднимъ звеномъ той цѣли, которая черезъ Щербатского и Минаева доходитъ до Васильева. Ученикъ О. И. Щербатского, прошедшій у него строгую школу изученія философской шастры, т. е., выражаясь нашимъ языкомъ, основныхъ индѣйскихъ учебниковъ философской дисциплины, онъ приступилъ къ изученію японскаго буддѣйскаго преданія, принявъ глубоко правильный, но, къ сожалѣнію, не всегда въ научныхъ работахъ признаваемый, принципъ идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Какъ истинный ученикъ своего учителя, онъ подошелъ къ туземному преданію съ тѣмъ уваженіемъ и вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ, не покидая при этомъ строго критическаго къ нему отношенія. Востоковѣдѣіе по отношенію къ преданію на Востокъ переживаетъ въ настоящее время третью и, надо полагать, послѣднюю фазу: сперва было полное увлеченіе и слѣпая почти вѣра, признаніе всего, что говорило это преданіе, безъ попытки критиковать его, затѣмъ разочарованіе въ туземномъ знаніи и вѣстѣ съ тѣмъ, съ усѣхами сравнительнаго языкознанія и вообще сравнительнаго изученія въ разныхъ областяхъ знанія, укрѣпилась вѣра въ превосходство запада, съ его исторической точкою зрѣнія; въ связи съ этой вѣрою въ свое западное превосходство явились и попытки обходиться безъ туземнаго преданія. Наконецъ третья фаза: сознаніе, что мы многого совершенно не уяснимъ себѣ, если не пойдемъ въ школу востока и не постараемся разобраться въ путяхъ его мысленія и творчества, но, конечно, не разставаясь ни на минуту съ критическимъ отношеніемъ къ воспринимаемому. О. О. Розенбергъ превосходно изображаетъ тотъ кризисъ, который по отношенію къ преданію переживаютъ японскіе буддѣйскіе круги: съ одной стороны ученики европейцевъ, читающіе санскритскіе оригиналы, но лишеныя связи съ преданіемъ, съ другой представители китайскаго преданія, не читающіе индѣйскихъ оригиналовъ; необходимо сліяніе обоихъ направленій, безъ чего ни у той, ни у другой стороны не будетъ настоящей полноты знанія. Эту задачу и поставилъ себѣ О. О. Розенбергъ и достигъ при этомъ замѣчательныхъ результатовъ: прежде всего онъ усвоилъ себѣ неизслѣдованное до него на западѣ преданіе, шедшее отъ комментаріевъ школы великаго таяскаго паломника и учителя Сюань-цзана. Работа на востокъ внушила г. Розенбергу глубоко правильную осторожность въ установленіи датъ учителей буддизма, осторожность, которую вообще приходится усваивать себѣ всякому востоковѣду, изслѣдующему восточныя литературныя или философскія памятники. Чтобы пояснить свою мысль, сошлюсь на изученіе знаменитаго персидскаго поэта мистика Омара Хаяма, которымъ такъ увлекается послѣднее время западъ: приходится признать, что увлекаются не конкретно фигурою поэта мыслителя опредѣленной эпохи, а факціей, какъ бы въ времени и пространства, ибо подъ именемъ Омара Хаяма странствующаго стиха самыхъ разнообразныхъ поэтовъ, и что

такое въ сущности настоящій Омаръ Хаямъ, мы и до сихъ поръ не знаемъ. Совершенно правильно поэтому О. О. Розенбергъ говоритъ «Вѣдь даже, если бы удалось установить вполне точно даты дѣятелей буддизма, все же пришлось бы для каждаго изъ сохранившихся произведеній въ отдаленности рѣшать вопросъ, дѣйствительно ли оно принадлежитъ тому автору, которому оно приписывается» и потому онъ говоритъ: «опредѣленіе мѣста того или другого сочиненія въ исторіи буддійскаго мышленія возможно только на основаніи критики его содержанія» (I. с. 36). А для критики этого содержанія необходимо выясненіе основныхъ проблемъ буддизма и пройденныхъ ими ступеней развитія, работъ, къ которой и приступилъ О. О. Розенбергъ и основу для которой онъ и попытался создать своимъ трудомъ.

²⁵ Россійская Академія Наукъ, по мѣрѣ своихъ тогдашнихъ силъ, поддерживавшая въ свое время Василія Павловича, продолжала и въ послѣдствіи свою работу по изученію буддизма и его санскритскихъ, тибетскихъ, уйгурскихъ памятниковъ, издавая съ 1897 г. *Bibliotheca Buddhica*, которой уже вышло до 60 выпусковъ; по поводу нея проф. Ристъ-Давидсъ писалъ еще въ 1899 году: «most fortunately we may hope, owing to the enlightened liberality of the Academy of St.-Petersburg... to have a considerable number of Buddhist Sanscrit texts in the near future». Еще и до того въ «большомъ» и въ «сокращенномъ» словаряхъ Бѣтлинга участіе такихъ специалистовъ какъ Кернъ и Шифнеръ ввели въ научный обиходъ большое число терминовъ и словъ изъ т. н. буддійскаго санскрита, сдѣлавъ этимъ крупныя вклады и въ изученіе буддизма вообще. Особенно много въ этомъ отношеніи далъ «сокращенный» словарь, гдѣ Кернъ не только использовалъ вполне *Mañvūyutpatti*, но и далъ богатый матеріалъ изъ цѣлаго ряда санскритскихъ текстовъ, къ тому времени изданныхъ.

Въ настоящее время проф. Ѳ. И. Щербатской, при помощи О. О. Розенберга и при содѣйствіи проф. С. Лэви, L. de la Vallée Poussin, Wogihara и Denison Ross создаетъ систематическое изслѣдованіе знаменитаго труда «Второго Будды» буддизма *Vasubandhu Abhidharmakośa* и толкованія (*vyākhyā*) на него *Yaśomitra*. Эта работа, начатая такимъ образомъ, по почину русскаго ученаго и ведомая имъ международно должна создать твердую базу для систематическаго изученія буддійской философіи и самого буддизма. Еще Е. Бюрнуфъ въ 1844 г. указалъ на значеніе труда *Vasubandhu* и въ частяхъ онъ былъ использованъ и Васильевымъ, и Миннаевымъ, и Лавалле Пуссеномъ, и другими учеными, въ теченіе ряда лѣтъ надъ нимъ работали проф. Левинъ, который теперь, вмѣстѣ съ Ѳ. И. Щербатскимъ издалъ первую главу труда *Yaśomitra*; но только съ осуществленіемъ предпріятія Ѳ. И. Щербатскаго и его сотрудниковъ начинается настоящее систематическое и планомерное изученіе буддизма, котораго такъ долго ждала эта замѣчательная религія. Чрезвычайно трудны здѣсь первые шаги для европейцевъ, мышленіе которыхъ шло своими путями, иными чѣмъ мышленіе индійцевъ; оттого мы видимъ, что въ то время, когда напостокъ *Vasubandhu* цѣнялся по справедливому указанію проф. Щербатскаго «не только какъ первоклассный ученый, но еще, что всею замѣчательнѣе, какъ выдающійся стилистъ, умѣющій ясно, кратко и увлекательно излагать философскія ученія», «оцѣнка европейскихъ ученыхъ сильно расходится съ оцѣнкой самихъ буддистовъ. Стилъ Васубанду представляется намъ до сихъ поръ необыкновенно труднымъ и темнымъ. Попытки перевода его отпугивали своей казалась безнадежной темнотой. Но это, конечно, объясняется недостаточнымъ знакомствомъ съ кругомъ идей и ихъ техническихъ обозначеній, которыя для буддиста составляютъ его вторую природу». (Ѳ. И. Щербатской. Тибетскій переводъ *Abhidharmakośakārikāh* и *Abhidharmakośabhāṣyam* сочиненій *Vasubandhu*. Петроградъ 1917. ВВ. XX. fsc. I. p. II). Работа только что названныхъ ученыхъ и создаетъ необходимое пониманіе идей индійской философіи, котораго нѣтъ еще въ достаточной мѣрѣ въ Европѣ; надо надѣяться, что сбудется справедливое пожеланіе Ѳ. И. Щербатскаго, чтобы богатство философской мысли, скрытое въ древней буддійской философіи, вошло въ обиходъ современнаго европейскаго образованія, дабы «сдѣлать имена Дигнаги и Дармакирти настолько же намъ близкими и дорогими, насколько близки и дороги намъ имена Платона и Аристотеля или Канта и Шопенгауера».